

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Ангел
в камуфляже

WETA

Марина С. Серова
Ангел в камуфляже
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181099
Ангел в камуфляже: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-25065-3*

Аннотация

Частного детектива Татьяну Иванову пригласили на уик-энд муж и деверь ее лучшей подруги Натальи Шадовой. Замечательная идея искупаться нагишом в ночном озере чуть не стоила жизни Ивановой. Таинственный убийца сковал ей руки наручниками и упорно тянул на дно. Татьяне чудом удалось спастись. Неужели охотились за ней? А может быть, кому-то очень мешала Наталья? Приятный отдых стал началом страшной и неприглядной истории, в которую оказались замешаны не только Шадовы, ставшие клиентами знаменитой сыщицы, но и сама Татьяна, едва не погибшая от руки наемного убийцы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Ангел в камуфляже

Глава 1

Жизнь прекрасна и удивительна, это бесспорно! День за днем, в переменах событий, настроений и состояний надо нести эту мысль, оберегая ее от мнений «знатоков», кичащихся опытом своих неудач, от собственных сомнений, засоряющих душу в минуты слабости, от слов наставников, учителей и гуру всех мастей и оттенков.

Жизнь прекрасна и удивительна! А что случаются в ней вещи малоприятные, а порой и страшные, так ведь не жизнь тому виной, а мы – ты, он, она, они и я. Люди. Эй, люди, не сам ли Христос говорил, что царствие божие внутри нас, мерзавцев?

Вот мимо меня синюха топаёт, с лицом, опухшим от пьянства и злого равнодушия. Щурится раздраженно на летнее солнышко и космами утирает пот со лба. Какое там у нее царствие!

А эти двое, что вылезли из машины и на терраску, ближе к деревьям, прошли? Им и так никто не мешает и не собирается, а они знай озираются да отворачиваются. Друг с другом-то не разговаривают толком, брешут матерно, мне слышать отсюда. И не ругаются, нет, манера такая у людей – если рассмеяться, то сплюнуть после обязательно. Это – убогие, хоть, возможно, и с университетскими дипломами в карманах дорогих пиджаков.

Я же знаю, что жизнь прекрасна и удивительна, несмотря ни на что! Знать это бывает легко, а бывает и весьма непросто. По обстоятельствам. Сегодня – легко. Потому что вот уже несколько дней я свободна от волнений за других и отдыхаю от забот и не намерена в обозримом будущем прерывать этого блаженного занятия. Если, конечно, не приключится что-нибудь серьезное и не перевернет все с ног на голову. Такое редко, но бывает. Хорошо, что редко!

Для меня продолжается время сбора урожая. Взимание платы за услуги, оказанные небескорыстно, но от души. И здесь я нахожусь сейчас в ожидании одного из своих должников. Вернее, одной. Ну и по зову сердца, так сказать, тоже.

Наша городская набережная. Километра три покрытого асфальтом волжского берега, каштаны, трава, крутящиеся поливные фонтанчики, скамейки, покрытые лаком, на спинках которых, утвердив ноги там, где полагается находиться заду, любит сидеть молодежь. И в любую жару – прохладный ветерок с реки. По вечерам и выходным дням здесьлюдно, но не суетно. Много простора, бликующего отраженным от волн солнцем.

Я сидела, дожидалась миссис Бланк, существо ушлое и добродушное, по роду занятий и ее собственному мнению не относящееся к категории добропорядочных граждан, но промышляющее без обмана и наду– вательства, добывающее средства для безбедного существования, пользуясь кое-какими слабостями сильной половины рода человеческого.

Миссис Бланк была уже на пути сюда и везла деньги, с некоторых недавних пор принадлежавшие однозначно мне, частному детективу Татьяне Ивановой. А если более официально – то еще и Александровне.

По времени – уже быть бы ей!

Из кустов, сбоку от лавочки, на которой я расположилась в тени старой-престарой ивы, вылез холеный, лоснящийся от изобильной жизни кот. Замер, глядя на меня круглыми зелеными глазищами. Осторожно, недоверчиво двинулся вперед, вытянув шею, обнюхал мои босоножки, касаясь их усами. Тряхнул головой и лапой, взмурлыкнул неодобрительно и исчез с глаз долой, зашуршав в кустах сухими листьями.

«Коты» – называют мужчин труженицы массажного салона миссис Бланк. Не всех, а только посещающих салон в качестве клиентов. Требования к массажисткам у «котов» однообразные. Пресыщенность требует деликатесов. А скажите мне на милость, какая особь котячьей породы, как бы упитанна она ни была, не считает деликатесами содержимое мусорных баков?

Миссис Бланк, конечно, пользуясь доверенными ей конфиденциальными средствами, развернула дело быстро, широко и качественно. Предприятие прошло короткий период становления и начало приносить солидный доход, устраивающий отцов-учредителей, дипломированных массажисток и саму бандершу, но взмыливший глаза людям, возле власти ходящим. А эти, последние, никогда не страдали отсутствием аппетита, вы меня понимаете?..

Руку, способную раздать им по кусочку, за который они будут благодарны, невзирая на его размеры, найти было непросто. Но я это сделала. И теперь здесь ожидала своего кусочка, вполне определенных размеров, из рук благодарной миссис Бланк.

А вот и она, легка на помине.

Кропоткина Дора Михайловна, сорока девяти лет от роду, образование гуманитарное, высшее, вдова, дочь – на пять лет меня моложе – замужем за предпринимателем.

Досье автоматически прокрутилось в голове при виде невысокой, стройной фигурки, цокающей каблучками в моем направлении. Привычка, иногда вызывающая раздражение.

Белая футболка, широкие тренировочные штаны, легкие туфельки, копна по-шикарному густых, черных, блестящих на солнце волос, легкомысленная сумочка через плечо.

Дора.

– Заждалась, Танечка! – воскликнула она вместо приветствия. – На дорогах нечто невозможное сегодня, так что место для стоянки с трудом отыскала. Ты на машине тоже?

Она села рядом, быстрым движением забросила ногу на ногу, достала из сумочки сигареты.

– Будешь?

– Пришла ты вовремя. А я не на машине. Пешком. Буду.

– Счастливая! – Дора улыбнулась слегка подкрашенными губами. – Не спешишь никуда, значит.

Мы закурили, две приветливые друг к другу женщины, единомышленники, без сомнения, в уверенности, что жизнь прекрасна и удивительна.

Приветливые, конечно! Обе не даровым хлебом питаемся. А что питаемся неплохо, так, значит, и работаем неплохо. И плюс к этому работаем в основном на себя. Это особенно ненавистно нашим мещанам, и род занятий здесь – сбоку припека. Плевать!

– Не спешу я, Дора, да, права ты. Вот здесь тебя дождалась, теперь пойду не спешить куда-нибудь еще.

Она чутко уловила в моих словах едва ощутимый намек, и из сумочки в сумочку, из своей в мою, перебросила увесистый бумажный сверточек, порадовавший меня своим видом и габаритами.

– Дай нам бог продолжать в том же духе!

Я ничего не имела против.

– Побольше бы времени, – она причмокнула с сожалением, – я бы с удовольствием пригласила тебя выпить сухонького, со льда, хоть как-то отметить это дело. В долгу я у тебя.

– Ты же расплатилась, Дора! – Я встряхнула заметно потяжелевшую сумочку.

– Это, – махнула она рукой, – деньги! И причем не самые большие!

Я опять ничего не имела против, слушала с интересом. Она же продолжила:

– Готовность помочь, вот – просто взять и помочь, разве ее деньгами оценишь?

Интересным она, миссис Бланк, языком заговорила, надо же! Я слушала ее не перебивая.

– Танечка! – Дора придвинулась ближе, нагнулась, секретничая. – Мы с тобой очень разные люди и заняты разными, очень непростыми делами. Вон, в твоей сумочке я пистолет углядела. В моей ему эквивалентом может быть коробка презервативов. Каждый зарабатывает по-своему в этой жизни. Мы с тобой друг другу жить не мешаем, не конкурируем, а значит, можем и помочь в нужное время. Рассчитывай на меня и в качестве Доры Кропоткиной, и в качестве, – она заглянула мне в глаза, молодо и озорно подмигнула, – миссис Бланк!

Я накрыла ее руку своей.

– Спасибо, Дора!

– Тебя подвезти?

Она глянула на часы, поднялась.

Я представила себе жару в переполненном троллейбусе и жару на пешем маршруте к центру и соблазнилась.

– Пожалуй.

Прозвучало нерешительно, потому что у меня здесь было дело, еще одно, не горящее, но желательное.

– Хотя... Нет, спасибо, я остаюсь.

Дора пожала плечами, кивнула и поцокала туда, откуда явилась. Отойдя на полтора десятка шагов, обернулась, махнула рукой.

– До свидания!

На мосту через Волгу, несмотря на ветерок, треплющий распущенные волосы, ощутимо пованивало автомобильной гарью. Плотный поток машин в обе стороны отравлял воздух газами и сотрясал его ужасными звуками. И только с красотой вида, открывавшегося отсюда, сверху, он ничего не мог поделать. Темная, блестящая вода далеко внизу, чистое, без единого облачного обрывочка небо сверху; берега – далекий, противоположный, и близкий, наш, тарасовский, утыканный домами и домишками.

По той, наветренной, стороне проезжей части моста шли прожаренные солнцем люди, в основном домой, с пляжного острова, и поглядывали на меня с состраданием и превосходством – ума-де не хватило у девах определить, откуда на мосту ветерок дуть будет. Вот, мучится теперь, глотая копоть.

А меня устраивает, что на моей стороне почти безлюдно.

Правильно заметила Дора, пистолетик у меня в сумочке подкладку трет. Старый, облезлый «макаров». В каких руках он побывал, каких дел натворил, гадать не берусь. Уверена в одном – тут ему и конец! Не гавкнет больше ни в правого, ни в виноватого.

В мои руки попал по-чудному, трофеем во время одной из недавних передраг, и помог из нее выкарабкаться целой и почти невредимой. Не в милицию же его нести, в самом деле, на свою голову!

Открыв сумочку, я остановилась в самом высоком месте. Внизу, подо мной, медленно вытягивалась из-под моста бесконечная баржа с несколькими песчаными терриконами, отбрасывавшими на воду островерхие серые тени. Вот наконец и толкач показался, пенит воду винтами, надрывается. А поперек палубы веревка натянута, и сушится бельишко на солнце и ветерке.

Я сунула руку в сумочку, сжала пистолет сразу вспотевшей ладонью. Пора. Дело-то секундное.

– Гу!

Два чьих-то деревянных пальца ткнулись мне в бока, заставив подскочить от неожиданности. Шутник!

Красномордый от солнца и выпитого шутник испуганно тарашится на меня и пистолет в моей руке, которым я едва не двинула его по лбу, и медленно пятится, держась за перила.

Громко прозвучал автомобильный сигнал. Это в мой адрес. Оказывается, зрителей тут хватает.

Я протянула руку за ограждение и разжала пальцы. Красномордый, не оглядываясь, быстрым шагом спешил от меня в сторону города, и ветер вздувал пузырем рубаху на его спине. Внизу, беззвучным всплеском, вода приняла в себя смертоносную машинку.

Самым разумным на данный момент было добираться домой. Принять ванну, передохнуть от жары, переодеться к вечеру и избавиться от излишка денег. Пусть остаются за надежной бронированной дверью.

Домой я и направлялась, сойдя с моста и пересекая предмостовую площадь, держа курс на золотые купола древнего Стрелецкого собора. С облегчением перевела дух, свернув с оживленной транспортной магистрали в старенький, тихий переулок, весь в тополях и окошках ветшающих, несмотря на старания хозяев, двух– или трехэтажных домов.

Знаете, что самое досадное и назойливое в современных городах? Транспорт! Спасение от него можно найти лишь глухой ночью, и то не окончательно. Или поселившись на такой вот тихой улочке, платя за относительный покой ограниченностью удобств старого жилья.

Странно, но я совсем так не думаю, оказавшись за рулем своей машины. С удовольствием играю педалью газа, наслаждаясь возней лошадок под капотом. А пешеходы с перекошенными от рассеянного внимания физиономиями раздражают своей бестолковостью, особенно на перекрестках.

– Таня!

Я никогда не тороплюсь оборачиваться и искать глазами выкрикнувшего мое имя. Тань много, самых разных. Мне сейчас никто не нужен, я домой иду, пусть отзывается кто-нибудь другой.

– Таня! Иванова!

Вот черт, в самом деле, а? Имя и фамилия славные, но их, как говорится, на каждой ветке по десятку, а вот такое сочетание придется поискать. Похоже, это меня.

Машина, непонятная иномарочка, мимо которой я только что прошла, распахнула дверцу и выпустила на свет белокурую девицу-красавицу, босую, в кукольной юбочке и маечке, едва доходящей до солнечного сплетения.

Это Наташа. Наташа, Наташа, Наташа... Шадова, вот кто она. И не встречались мы с ней никак не меньше двух лет.

– Привет!

С другой стороны машины, из-за руля, выползает мордovorот какой-то, полный, со всклокоченной шевелюрой, в широченных джинсах, обрезанных по колена. С ним мы не встречались никогда. И не встречаться бы!

– Ты как цветик полевой!

Принимаю комплимент, как относящийся к платью, что сейчас на мне. Легкое оно, воздушное совсем, но не настолько все же.

– А ты как гвоздь программы.

– Мерси!

Улыбка у нее славная. Белозубая, открытая такая. Правдивая. И густой загар не портит ее лицо. Не здешний загар, не волжский.

– Это Борис, мой муж.

Хорошо подходит к нему это имя. Борис, и никто иной!

– Поздравляю тебя с Борисом! И вас, Борис, с таким вот босоногим сокровищем!

– Да я уже скоро год как поздравляюсь этим сокровищем!

Борис густо хохотнул и обнял супругу за талию.

– Вот что значит отколоться от общества и забыть старых друзей! – корит меня она, рисуясь в его руках.

Похоже, у этих все в порядке на сегодняшний день.

– А как ты?

– Прекрасно! – развожу руками. – Как видишь!

– Замужем?

– Нет!

– У-у-у! – то ли сочувствие, то ли восторг, то ли зависть. А может, все вместе. – Что так?

– Девчонки, пошли в машину, я таять начинаю!

– Пошли, Тань, там кондиционер, прохлада, поболтаем, сто лет ведь не виделись, пошли!

Они, действуя сообща, чуть ли не силой затащили меня, слабо отбивающуюся, в машину, захлопнули дверцы. Внутри мягко звучала негромкая музыка, и через несколько минут действительно стало прохладно.

Наташка трещала без умолку, с пятого на десятое рассказывая о свадьбе, отце, Борисе, недавней их поездке на Канары и еще о тысяче вещей невразумительно и малопонятно. Борис, не делая попыток ее перебить, похохотывал, восторженно выкатывая темные, влажно блестящие глаза. Наконец она запыхалась и предоставила ему возможность вернуть свое словечко.

– Тань, вот так всегда! – пожаловался он. – Деваться было некуда, и я привык.

– Бедолага! – пожалела его, но Наташа не дала продолжить.

– Как ты-то? Помню, тогда ты только начинала. Постой, что-то правоохранительное, да?

– Почти, – согласилась я. – Частно-детективное, с лицензией.

– Ого! – выкрикнул Борис. – Какие люди! – А Наташа ему пожаловалась:

– Вот, она всегда так – слова не вытянешь!

Дуэтом они пели так слаженно, что я невольно рассмеялась, заражаясь их жизнерадостностью.

Неожиданно открылась дверца, и в машину, вместе с хорошей порцией жары, ввалился еще один – отощавшая копия Наташиного мужа.

– Андрейка, Андреюшка, ну куда ты провалился! – затрещала она снова, воодушевившись его приходом. – Познакомься с моей старинной подругой Татьяной! Таня, это Андрюша, брат Борьки. Он не отсюда, не из Тарасова.

Андрей, смутившись от неожиданности и потока слов, сначала замер с раскрытым ртом, а затем, справившись с собой, очень мило улыбнулся, почти одними глазами.

– Мальчишки, вы о-бя-за-ны! – Наташа даже запрыгала на сиденье, придя в восторг от посетившей ее мысли. – Слышите, обязаны уговорить Татьяну поехать с нами! Мы столько не виделись! И ваши тяжеловесные мужские остроты не заменят мне общения с этим человеком!

Не менее десяти минут потребовалось, чтобы понять, в основном со слов мужчин – а говорить им было непросто, – что они приглашают меня в поездку на Волгу, на остров, но не в коттедж с водопроводом и телевизором, а как в старые времена – на катере, в палаточку, к костерку с печеной картошкой и на всю предстоящую ночь. Я согласилась, припомнив про себя когда-то у кого-то прочитанную фразу, что предложение неожиданных прогулок – это урок танцев, преподанный нам богом.

Наташу мое согласие привело в восторг, а требование завезти меня сначала домой возражений у мужчин не вызвало.

Я добавила им суеты и не только необходимостью развозить меня взад-вперед по городу. Все их сборы были рассчитаны на троих, поэтому пришлось еще и магазины посетить.

Одно из преимуществ работы чисто на себя – возможность располагать временем хотя бы в промежутках между запарками. А расположила я его, кажется, неплохо: Наталья – старая подруга, встретиться с которой мне действительно приятно. Мужчины вокруг нее, насколько я к ним присмотрелась за время разъездов, – далеко не из самых худших представителей своего племени. По крайней мере, в их поведении я не заметила ничего такого, что могло бы не понравиться мне. И общительны оба в меру.

За суетой и разъездами прошло время, и к воде мы подобрались, когда начало вечереть. «День выцвел» – так говаривал про это время суток один мой знакомый.

Их катер был под стать машине – небольшой, но по-могучему изящный, раскрашенный во все цвета радуги аппарат. У нас таких не делают. Впрочем, в водном транспорте я разбираюсь слабо.

Обвешавшись сумками и тюками, мужчины ушли к нему по скрипучим мосткам, умудрившись унести все за один раз.

– Машину у набережной, на стояночке бросим. – Наташа пересела назад, ко мне, приобняла за плечи. – Как я рада тебе, Танечка! Молодец, что согласилась, не пожалеешь! У Борьки летние каникулы к концу подходят, и он так надоел мне! В последнее время у меня постоянный дефицит нормального женского общества. Живу, как княгиня из сказки, в высоком терему.

– Живешь, мне кажется, неплохо, за такой мужниной спиной жить можно.

– Спина крепкая! – согласилась она с гордостью. – И я не без дела, что, не похоже? Да погоди, расскажу все, время будет.

Вернулся Борис. Единым, привычным движением втиснулся между рулем и сиденьем.

– Сейчас Андрюха нас, как господ, на набережной с гранитных ступеней примет, едем!

* * *

Мы неслись по волнам – очень точное выражение, – прыгали с гребня на гребень, двигаясь как по стиральной доске, а когда скорость еще увеличилась, стали утюжить их и приглаживать так, что тряска почти перестала ощущаться. Мужчины сменяли друг друга у штурвала, и оба были полны веселого озорства, закладывали виражи, при которых один из бортов вставал дыбом, другой опускался едва не в воду, и тогда хотелось визжать от головокружения. Наташка визжала, а я держалась. Это было здорово! При подходе к месту, когда катер ушел с коренной Волги и началось петляние между лесистых островов с берегами, заросшими камышом и осокой, рулевые сбросили наконец скорость, но и оставшегося оказалось достаточно, чтобы завизжала и я, когда аппарат с разгона врезался в монолитную на первый взгляд стену высокой водной растительности. Пробил ее, не почувствовав, прошел насквозь, и мы оказались в образцово тихой заводи, обширной и живописной берегами.

– На месте! – крикнул Андрей, резко сбросив обороты, и под ставшее почти ласковым урчание двигателя катер тихим шагом двинулся к берегу. Волна, на гребне которой мы проскочили сюда, обогнала нас, сморщив складками водную гладь.

Плотный травяной ковер под редкими, раскидистыми деревьями, затенявшими полоску песка у кромки воды, кустарниковые заросли, начинавшиеся неподалеку, там, где опушка переходила в лесную чащу, – все это отражалось водой вместе с голубизной небес.

– Чтобы сюда попасть, это место знать надо! – Андрей повернул к нам улыбающееся лицо.

Борис, взглядевшись во что-то одному ему заметное, прибавил с неудовольствием:

– И знаем это место не мы одни!

Андрей, чертыхнувшись, рванул катер вперед, и мы миновали чужой лагерь – лодочка, почти полностью вытащенная на берег, дымящийся костерок и возле него – двое, провожающие нас заинтересованными взглядами.

– Ничего, они нам настроения не испортят! – заверил Андрей, вырубивая к берегу в очередном удобном для этого месте.

Место оказалось на редкость приятным. Берег протоки, где мы пристали, освещался утренним солнцем, сейчас же он был в глубокой тени деревьев. Но метрах в тридцати от нас, в глубине острова, нашлось небольшое, кристальной чистоты озерцо, залитое солнечным светом, с водой температуры парного молока. Наталья, не раздеваясь, только скинув на ходу тапочки, влезла в него с жадностью белой медведицы, сбежавшей из зоопарковой вольеры.

– Ко мне, господа и дамы! – гаркнула она на весь остров, вынырнув и отмахнув за спину мокрые волосы.

Господа и я были готовы, потрудившись раздеться еще на ступенях набережной, под завистливыми взглядами празднующейся публики.

Мужчины вскоре ушли от нас надергать в камышах ершей для ухи, и мы были им благодарны за нашу уединенность. Наташа принялась за обстоятельное изложение основных событий последних полутора лет своей жизни. Я слушала ее и жмурилась ласковому предвечернему солнышку, пересыпая из ладони в ладонь чистый, теплый песок.

* * *

Мир сузился до освещенного костром пространства, в котором нам четверым вполне хватало места. За пределами этого неширокого круга плотной темнотой лежала ночь. Можете не верить, но эти люди на природу не взяли с собой даже транзистора, и это мне нравилось. Нравилась их вежливая сдержанность и ненавязчивая способность по-родственному услужить друг другу, поухаживать и принимать ухаживания без шумных благодарственных изъявлений. Мне в их компании было просто, да и весело было тоже.

Наши соседи по острову назойливости не проявляли, но раз или два донесшийся до нас по водной глади посторонний звук говорил о том, что здесь они, никуда не делись. Отсутствие у них интереса к нашей компании вполне нас устраивало.

– Лучше бы их не было здесь сегодня!

Лицо Андрея, сидящего от меня по ту сторону костра, в его свете было медного цвета.

– Пусть будут! – ответила уставшая от суеты и разговоров Наташа. – Смирные люди. Просто на редкость.

Борис рассмеялся безо всякого повода. Улыбнулся и Андрей, поправив ее:

– Незаметные – да. А насчет смирных... Мы не знаем их.

– И не знать бы! – вздохнул Борис.

– Что такое, мальчишки? – Наташа подняла голову с его колен, – что за озабоченность?

– Пфуй! – выдохнул Борис, а Андрей ответил ей, слегка дурачась:

– Посты, по идее, надо на ночь выставлять из мужского населения и меняться. Колгота!

– Почему из мужского? – спросила я лениво.

– Зачем посты? – Наташа опять улеглась и потянулась травинкой к мужнину носу. – Тоже мне, бойскауты!

Борис со свирепым видом поймал травинку зубами и сжевал ее без остатка.

– Ты-то куда лезешь, индеец! – Она ласково погладила его по щеке. – Андрейка – ладно, его последние три года осторожности научили, а ты?

Уж так получилось, что именно в этот момент я смотрела на Андрея и хорошо заметила жесткую морщину, на секунду прорезавшую его лоб. Похоже, Наталья сболтнула лишнее.

Борис, впервые за вечер, закрыл ей рот поцелуем, а Андрей, когда снова повернулся к свету, был сама ленивая беззаботность.

Но все это были не мои и не касающиеся меня дела.

– Хотите сказку?

– Давай! – Наташка подскочила от восторга. – Ох он и мастер, Татьяна, на сказки!

Андрей устроился поудобнее на скрещенных по-турецки ногах, упер в кулаки подбородок и после короткого раздумья начал не спеша, нараспев, по-народному:

– Не в некотором царстве и не в некоторые времена это было, а может, и вовсе не было, кому как нравится. Жил в деревне мужик. Простой, как червонец. Богу не молился, поскольку приучен не был, президента не хаял, потому как не встречался с ним ни разу, а впустую орать считал за напрасный труд, и на жизнь не жаловался, так как все вокруг него одинаково жили, а когда сравнить не с чем, то вроде и ничего получается. Топтался себе день-деньской по хозяйству, какое было, в единственных, разношенных как лапти сапогах.

И вот как-то в конце дня, когда солнце опускалось прямо в степь, за горизонт, на лавочку под окном его избы-залепухи присела женщина не из их краев. В годах, но не старая. В темной, но не черной одежке. С палочкой, но не с клюкой. И что чудно ему показалось – ни сумки у нее в руках, ни узелка. Присела, увидела его неделю небритую физиономию, из окна на нее вытаращившуюся, и рукой ему так: иди, мол, сюда, любезный! Ну, он и вышел, зовут ведь! Вышел и сел рядышком. А почему – сам не понял.

«Чего, – говорит, – тебе?.. Попить, может?»

Рассмеялась она в ответ.

«Меня потчевать, – сказала, – себя не жалеть. В тот дом, где проглочу кусок, плоток ли, вернусь легко и просто в любое время и в любой день. Не слыхал, что ли, поверье такое есть?»

Припомнил что-то мужик, но смутно, понял только, что недоброй гостьей господь его этим вечером наделил.

«Да кто ж ты такая, – говорит, – бабонька?»

«Смерть я, милый! – отвечает ему женщина. – По свету хожу, больных и немощных – так беру, здоровых – уговариваю. Жалко мне вас, бедолаг страдающих, вот и работаю».

Пораскинул мужик умишком, осмелился и спросил ее:

«Больных и страждущих – понятно, а что здоровых-то да молодых жалеть?»

«А их всего и жальче, – ответила смерть, – у них еще все муки впереди!»

Станным и трудным показалось это рассуждение мужиковой не привыкшей к мыслям голове, и отказался он идти с нею. Она и ушла. В степь, по бездорожью, прямо к опускавшемуся за горизонт солнцу. И не встречался больше с нею мужик долгие-долгие годы.

Андрей обвел нас умными глазами, сплюнул в сторону, потянулся за сигаретами, лежавшими неподалеку, на плоском камешке.

– И что же, – брови Наташи поползли вверх, – все?

Андрей выпустил дым уголком губ, развел руками.

– Ну-у! – разочарованно протянула Наташа. – Белиберда какая-то!

– Ты тоже так думаешь? – улыбочиво глянул на меня Андрей.

Я ответила лениво, расслабленно:

– Думаю, что продолжение существует.

Он глянул на меня пристальней, удивленный моей пронизательностью.

– Ты нам его расскажешь?

– Не сейчас, нет! – И, видя протестующее движение Натальи, воскликнул: – Не к ночи такие продолжения рассказывать!

Наташа, с криком:

– А ты что об этом думаешь! – обеими руками шлепнула по коленям придремавшего Бориса, и он вскинулся в шутовском перепуге.

– Думаю! – ответил возмущенно. – Я всегда что-нибудь думаю! Или о чем-нибудь.

– Ты что, не слушал? – спросила она укоризненно. – Андрей такую сказку рассказал!

– Я все его сказки наизусть знаю! А эту, – Борис обвел нас глазами, – и понимать нечего! Живым жизни бояться надо, а не смерти, вот и вся мораль! Скажи, да, Андрюх!

– Не совсем, – качнул тот головой. – Но скорее да, чем нет.

– Без продолжения, – я потянулась дремотно, – слишком мрачно! А когда что-то слишком, то почти всегда неправильно.

Чуть было не сказала вслух, но сдержалась, только подумала: жизнь, мол, прекрасна и удивительна!

Андрей не возражал.

– А пойдём-ка мы с тобой, Танечка, – Наталья поднялась на ноги, – в то озерко, перед сном с телес песочек смыть. А мужики пусть здесь водными процедурами займутся. Если хотят, конечно.

Отойдя от костра, мы постояли в темноте, давая время глазам привыкнуть, и медленно двинулись в глубь острова, жалея вслух, что ничего не надели на ноги. Чудом каким-то или чуткостью мужчины откликнулись на нашу беду.

– Наташка! – ясно донесся голос Бориса. – Тапочки забыли, вернись, а то посшибаете пальцы!

– Пойдем? – нерешительно спросила она. – Вернемся?

– Пути не будет.

– Ну, как хочешь! – Она уже все решила. – Присядь, подожди меня, я мигом.

Она повернула вспять и быстро скрылась в темноте за кустами. Очень скоро оттуда раздался вскрик и слабый стон. Споткнулась. Вернется теперь не скоро.

Я с прежней осторожностью двинулась дальше и вскоре вышла к озеру, из которого, как из волшебной дыры в земле, светили звезды.

Стоило отойти от костра, как ощутилось знобкое ночное дуновение с реки, чудное после дневной жары. Здесь же, среди деревьев, было на удивление тихо.

Не желая мочить, я скрутила волосы в тугий узел, заколола их на темени. Избавилась от купальника и, положив его на белое полотенце, чтобы потом не искать в темноте, шагнула в воду, к колыхнувшимся звездам. Вода оказалась теплее воздуха, и, господи, как это было приятно! Я, еле шевелясь, плыла в невесомости и доплыла уже до самой середины, как услышала сзади всплеск.

– Наташа?

Обернулась, уже осознав свою ошибку. Не она, слишком быстро для нее! И не наши! Наши ко мне, к голой, в воду не полезут!

– Кто?

Я выругала себя за испуг. В воде мне драться еще не приходилось, но на земле я за себя постоять могу, и это многим известно. Всего лишь мужик. Вот его голова воду раздвигает. Приготовились!

Вышло – приготовились, но плохо. Не доплывая до меня метров пяти, – я уже вдох его услышала, длинный такой, – он нырнул и пропал из вида.

«Если это шутка, то – идиотская!» – подумала, кожей живота ощущая свою уязвимость.

И тут меня со страшной силой рвануло под воду, будто он к своей заднице пудовый камень подвесил, прежде чем за меня ухватиться! Я чуть было не принялась биться, как рыба, насаженная жабрами на кулан. Мгновение паники могло бы дорогого мне стоить, потому что воздуха, от неожиданности, я запастись смогла немного, но одумалась – не смерть еще, хоть и около. Расслабилась, погружаясь, и, оценив положение его тела относительно

моего, согнулась и двинула локтем туда, где должно быть его лицо. Попала в мягкое, освободилась и рванулась вверх. На поверхности – какие там звезды, чушь! – переводя на ходу дух, замолотила руками и ногами, спеша к берегу. Мне бы только на землю, а там я буду бить тебя ногой по гениталиям! Как есть, голая, и буду бить! И если не положу, буду преследовать по всем здешним кустам!

Снизу, из-под воды, меня коснулись его руки, теперь почти ласково, но очень настойчиво. На грабли я наступила дважды, как и в первый раз не подготовившись к нападению из глубины. Это что, Ихтиандр, что ли? Под нажимом его рук я против воли приняла вертикальное положение, ударила сверху вниз обоими кулаками его появившуюся возле голову, но без успеха, потому что он буквально насадил меня животом на свое выпяченное колено. Классно! Дыхание перехватило, тело скрючилось, но – вода все-таки, все не так сильно.

Я расслабляла сведенные судорогой мышцы, а он буксировал меня на середину, обхватив рукой поперек груди. Давал мне драгоценное время. Через десяток секунд я уже дышала, вентилируя легкие и обеспечивая себе преимущество – он-то трудился и всю жег кислород. И вот мы погрузились, и опять мгновенно, так что уши заложило. Он оказался у меня на спине, обхватил ногами, заломил руку, больно! И через пару секунд сгинул, как и не было его.

Нет его больше – это плюс. Но всплыть я не могу – это минус. Грудь уже чувствует приближение удушливого спазма. На руке петля – широкая, мягкая веревка – и наручник, прицепленный к какой-то проволоке на дне.

Шпилька!

Я вытащила ее свободной рукой из узла волос на темени, держа крепко, чтобы не обронить ненароком, вставила в прорезное ребро наручника, туда, где защелка, и, взмолившись всем святым, бывшим и будущим, с силой толкнула дальше и почувствовала, что свободна. Грудь ходила ходуном от недостатка воздуха, но я всплыла, не позволив себе и единого движения. Начни барахтаться – не вытерпишь, разлепишь губы и захлебнешься.

На поверхности я выпустила воздух из широко раскрытого рта, стараясь производить как можно меньше шума, потому что подвергнуться новому нападению мне уже не улыбалось. Ногой по гениталиям я побью кого-нибудь в другой раз.

В дело! Мой убийца как раз вылезал из воды, шумно и, похоже, устало. Я бы на его месте обязательно обернулась назад и поэтому, когда всплески затихли, заставила себя погрузиться ненадолго, хотя все мое естество решительно восставало против этого.

Полежав на спине, я немного отдохнула и потихоньку направилась к берегу, туда, где полотенце. А добравшись, без сил шлепнулась на него задом, ткнула нос в колени. Почувствовала, как мелкой дрожью затряслись плечи, и ничего не смогла с ними поделать. Что-то уж больно изощренно меня на этот раз убивали!

– Татьяна! – Мужской голос неподалеку.

Все! Пусть делают что хотят, хоть на елку насаживают, сил моих больше нет!

– Тань!

Нет, сколько все-таки вреда от мужиков на белом свете!

– Где ты?

– Здесь я, Боря! – ответила и поразилась собственному чириканью.

Через минуту он был рядом. Присел на корточки, убрал волосы с моего лица.

– Что с тобой?

– Судорога прихватила, еле выплыла! Нахлебалась до тошноты!

Его присутствие заставило меня взять себя в руки, и вранье получилось вполне естественным.

– А мы слышим, вроде по кустам кто ломится мимо нас. Дай, думаю, схожу, узнаю. Давай я понесу тебя?

– Отвернись, бесстыдник!

Он, возмущенно хрюкнув, поднялся, отошел к воде.

– А Наташка ногу расшибла об корень. Вот вам, предупреждал я!

Я оделась и, обмотав полотенцем схваченную петлей руку со свисающим с нее наручником, окликнула его, и мы пошли к палатке, переступая в темноте через корни, уже не казавшиеся мне настолько опасными.

Одна из всех, я провела ночь в спальном мешке, выкинув из него, правда, теплую подстежку. Объяснила эту свою странность тем, что плохо переношу разного рода антикомариные снадобья отечественного и импортного производства и предпочитаю защиту тонкой, но плотной плащевки. Я прела, завернутая в нее, и все еще тряслась внутренней дрожью, хотя уже несравненно меньше, чем у озера на полотенце. Пораженная случившимся, отпустила нервы, а анализ оставила на потом.

Мужчины долго не ложились, сидели у костерка и тихо беседовали о своем, потягивая коньячок из хрустальных стопочек.

Я сознавала необходимость отдыха, но дремала вполглаза. Интуиция подсказывала мне, что это всего лишь антракт. Да и наручник, от которого я, вытянув петлю, оказавшуюся удавкой, с трудом освободилась, мешался под боком.

Уже за полночь опять затрещали кусты поблизости. Мужчины вскочили. Андрей даже шагнул было в темноту, но быстро вернулся.

– Собака, может? – донеслось до меня обрывком.

– Пусть собака! – и странный, неуместный смешок.

А через некоторое время, когда я снова поплыла в забытие, взревел в отдалении лодочный мотор и, снизив обороты, удалился вместе со звуком.

– Неудачно как съездили! – шептались мужчины, укладываясь. – Одна ушиблась, другая чуть не утопла! Беда!

И скоро кто-то из них мирно, совсем по-домашнему похрапывал. Наталья сопела мне в ухо, и, заразившись этим единомушием, интуиция моя наконец дала отбой, тревога пошла на попятный, и я заснула глубоко и приятно, без сновидений.

Глава 2

Так и спала бы, наверное, в досталь, если бы не наручник, воткнувшийся, вражина, мне в ребра под самое утро.

Серенький ранний свет проникал в палатку снаружи, и с самозабвенным вдохновением гудели комары.

Поспала я недолго, но чувствовала себя вполне отдохнувшей и бодрой, а раз так, то нечего было разлеживаться, тем более что дело у меня было, и было оно чересчур увлекательным, чтобы оставлять его на потом.

Стараясь производить как можно меньше шума, я выбралась из мешка. Обрызгавшись аэрозолью и став недоступной для кровососов, я натянула спортивные штаны и штормовку, заботливо приготовленную кем-то из мужчин для желающих, и подседа к костру, еще живому под слоем серого пепла. Разгребла, бросила в него сухих веточек. Свежим дымком потянуло. Кофейку бы сварил кто! Ставить пришлось самой.

Наручник. Обычный. Старое, надежное устройство. Когда браслеты на обеих руках и между ними – коротко, освободиться без посторонней помощи невозможно. Воронение потерялось. Поработал на своем веку, потаскали его в карманах и за ремнями. А вместо второго – петля из широкой, довольно толстой и мягкой ленты. Синтетика какая-то. Удавкой складывается просто. Складывается и надевается на руку. Теперь потянем. Все! Петля плотно облегла запястье, чуть сморщив кожу на месте пульса. Сухую, возле костерка на бревнышке сидя, я ее распустила быстро. Под водой, в темноте, борясь с удушьем и страхом, вообще не поняла, что это такое, и предпочла расковырять наручник.

Под водой жертва биться будет недолго. Хлебнет как следует и потеряет сознание. Петля не успеет растереть кожу, не оставит следов. Именно в этом ее предназначение. А зачем понадобились такие сложности? Для маскировки убийства под несчастный случай. Элементарно! Тело будут искать. Тело должны найти – наши все знали, куда и зачем я отправилась. Значит, тело должно быть подготовлено для поисков, откреплено от дна и освобождено от петли с наручником, иначе нет смысла в этой ленте.

Ночью еще раз трещали ветки – Ихтиандр ходил снимать меня с кукана. И вскоре после этого лодка соседей взревела и ушла. Поторопились скрыться, не обнаружив меня на дне. Хороши соседи!

Закипела вода в кружке. Я выдернула ее из углей, подцепив ногтями за ободок, всыпала кофе, двойную норму, – так мне сейчас было надо, – перелила в бокал, угнездилась на прежнем месте.

Диверсант, оттачивающий на отдыхе искусство убивать? Это шутка. Ихтиандр стал готовиться после того, как выяснил, что мы с Наташей купаемся только в озере. Проволока на дне. Ее там заякорить надо или место найти и заметить так, чтобы в темноте, с дрыгающейся жертвой в руках отыскать безошибочно.

Да, но при чем здесь я? Я совершенно случайно и неожиданно попала на этот праздник. По идее, меня здесь не должно быть. Одна Наталья. Ее и поджидали, на нее и охотились наши соседи. Бедняжка! А увидев вторую женщину, ударили наугад? Чтобы замах не пропал? Сомневаюсь! Судя по плану и подготовке, работали люди умные и умелые. Такие не выстрелят только оттого, что курок взведен.

Поставив на траву бокал с недопитым кофе, я поднялась и пошла по мокрому песочку к соседскому лагерю.

Вода, тронутая легкой рябью, ломала отражение камышовых зарослей на той стороне протоки. Деревья тихо шелестели листьями. Ветерок сдувал комаров в глубь острова. Легко дышалось.

Я не отдавала себе отчета в том, что мне там надо, и вопроса такого себе не задавала. Хотелось посмотреть на место, где совсем недавно трамбовал задом песок человек, едва не лишивший меня жизни.

А Наташе, попадись она ему в руки, пришлось бы тонуть! У меня же сработал опыт поведения в подобных переделках, хоть ситуация была и нетипичной.

Их кострище было еще горячим.

В кармане штормовки я обнаружила мятую пачку хороших сигарет, прикурила от уголька и медленно двинулась вокруг костра, внимательно глядя под ноги. Обошла всю площадку, от воды до деревьев, но не обнаружила ничего. Даже окурочек, валяющийся здесь, был моим собственным. Аккуратность этих людей меня поразила, и тем более невероятным показалось предположение, что жертву им пришлось выбирать наугад.

У палатки, на фоне совсем уже заалевшего неба, стоял Борис, с недоумением разглядывая убийственное приспособление, забытое мной возле бревнышка. Повернул голову на звук моих шагов и двинулся навстречу, хлопая петлей по ноге.

– Что это, Таня?

– Смотри!

Я захлестнула петлю на его руке, защелкнула наручник за толстую ветку. Он проследил за всем, приоткрыв рот, а потом, распустив петлю, с трудом освободился.

– Откуда это? И зачем?

Я рассказала ему коротко, зачем и откуда. Он выслушал молча и недоверчиво. Сомнения его пропали, когда я продемонстрировала шпильку для волос в качестве ключа к наручнику.

– Что ты об этом думаешь? – спросил осторожно.

– Я думаю? Как я могу думать, если до сих пор опомниться не могу!

Он нахмурился, посмотрел строго и осуждающе.

– Мне непонятна твоя веселость! Не вовремя она!

Он мне мораль читать собирается, надо же!

– Я думаю, Борис, что все это очень серьезно.

Он помолчал, пожевал губу и, взяв меня за руку, повел к катеру, до половины вытасченному на берег и заботливо укрытому легким тентом. Покопавшись под ним, достал солидных размеров сотовый аппарат и, настраивая его, задумчиво сообщил:

– Шадов Владимир Степанович – отец Наташи – обязательно должен узнать обо всем в первую очередь. Очень может быть, что происшедшее его близко касается. И не только как отца.

Тут уже я не сразу осознала, что у меня приоткрыт рот. Борис меня заинтересовал, по крайней мере до того времени, пока я сама себе не скажу, что это чужие дела, меня не касающиеся.

С Шадовым он поговорил быстро, буквально в двух словах, из которых я поняла, что покушения на Наталью они ждали, но, одновременно, не верили в его возможность.

– Приезжай сюда, и побыстрее! – Владимир Степанович так это гаркнул, что даже мне удалось разобрать. – Разговаривать будем здесь!

Борис, складывая телефон, посмотрел на меня, как мальчишка, которого отчитали.

– Надо ехать!

– Конечно! – согласилась я. – Какой уж тут отдых!

Мы постояли с ним у воды еще немного, молча выкурили по сигарете. Он думал о своем, нелегком, а я любовалась восходом солнца над камышами и тем, какие небывалые цветовые оттенки накладывает это действие на все окружающее.

– Я прошу, – он покачал головой, – Наташе пока не говори ничего. Не будем крутить ей нервы, ладно? Вот с тестем – обсудим... И Андрею тоже. Он к этому вообще отношения не имеет.

Я забрала у Бориса петлю с наручником, отошла в сторонку и, размахнувшись, с силой швырнула связку вверх и вперед. Долетев почти до середины протоки, она плюхнулась, согнувшись навсегда.

– Это ваши дела, Боря, – проговорила тихо, подойдя к нему почти вплотную, – меня они коснулись вот так, по-странному, но я их касаться не собираюсь. Поэтому – все сам: говори кому и что хочешь или никому ничего не говори.

Он пожал мое предплечье в знак благодарности и пошел будить остальных.

* * *

Андрей высадил нас на тех же гранитных ступенях, с которых принял на борт ночь и вечер тому назад. Борис отпихнул катер ногой, и тот, постепенно набирая обороты, пошел прочь. Мне было мутно смотреть ему вслед. Две взаимоисключающие мысли затеяли внутри меня настоящую борьбу, причем сочувствовала я обеим сразу.

«Зачем я вообще поехала с ними!» – и —«Наташка, бедная, если б не я, какая б ты была к этому времени!»

Почти с пустыми руками мы поднялись по ступеням наверх, на набережную. По городским меркам – раннее утро, бывшее для меня ранним еще несколько часов назад.

Борис, отправившись за машиной на недалекую стоянку, оставил нас в сквере возле Стрелецкого собора. Наталья была довольна его уходом.

– Иногда он такой зануда! – поделилась причиной. – Особенно когда не в настроении, как сейчас!

Я деликатно и немногословно посочувствовала ей:

– Что-то случилось.

– У них всегда что-то происходит! – махнула она рукой – ладно, мол! – Андрейка тоже ничего не понял, – и рассмеялась, вспомнив, наверное, как Борис поднимал на удивление крепко спящего брата. Потеряв надежду привести его в чувство уговорами и тычками, от которых тот отмахивался и зажимал уши ладонями, взял за ноги и выволок Андрея из палатки, лицом по траве.

– Он всегда так крепко спит?

– В последнее время, по крайней мере. Объясняет, что после зоны отоспаться никак не может.

– После зоны?

– Опять я лишнее сболтнула! – Наталья, сгорбившись, отвернулась от меня. – Борьке не говори, жевать будет. Ладно?

– Сама не проговоришься! – Я почти смеюсь. – Выкладывай все, мне интересно, и не спрашивай почему!

– А почему все же? – Она смотрит на меня святыми глазами, и я действительно не могу сдерживать смех.

– Понравился он мне! Этого достаточно?

– Да? – радостно удивляется она. – Тогда другое дело! Слушай! Он прекрасный человек, хоть и сидел. Да и сидел-то не по гадству какому, а за неуплату налогов. Три года оттянул-оттоптал – так у них говорят? Зимой освободился, к нам приехал, со мной познакомился. Он мне сразу понравился! Борька приревновал даже сначала, но потом одумался.

– Подожди! – перебила я ее. – Почему приехал? Он что, нездешний?

– Тоже мне, детектив! – воскликнула она радостно. – Я тебе это еще вчера в машине сказала! Забыла? Он российский прибалт. Из тех краев, но чисто русский, не сомневайся! Держал там фирму по строительству, неплохо зарабатывал. Но, ты знаешь, как бывает, не дал кому надо на лапу, впаяли ему сокрытие доходов – и на три года с конфискацией! Хорошо, фирму успел на Бориса перевести, а то не знаю, что с ней могло бы быть.

– А сейчас как же?

Я быстро теряла интерес к теме, но еще спрашивала, сомневаясь, стоит ли продолжать.

– А сейчас он в своей бывшей фирме директор. А владельцем так Борис и остался. Видишь ли, – продолжила она, увидев мои поднявшиеся брови, – за три года дело очень изменилось, расширилось. Борис столько в него вложил! Так что Андрей и не настаивал на передаче ему всех прав. Но не исключено, что это еще произойдет когда-нибудь. Это с их слов.

– А ты неплохо осведомлена о делах мужа, – похвалила я и, было видно, доставила ей удовольствие.

– Еще бы! – задрала она нос. – Я сейчас хоть и Синицына, но по отчеству так и осталась Владимировной! И мозги у меня – шадовские! Это и Борис подтвердит, только спроси!

За чугунной решеткой ограды остановилась непонятная иномарочка, коротко и мелодично прозвучал сигнал.

– Пошли? – спросила я ее.

– Да, это он! – согласилась она, поднимаясь.

Машина легко и солидно пролетела по полупустым в это время улицам до моего дома.

Родная мне бежевая «девятка» смущенно глядела из глубины двора на свою хозяйку, покидающую шикарный салон не без помощи владельца прибалтийской строительной фирмы.

Борис проводил меня до подъезда, придержал за руку.

– Я еще раз переговорил с отцом Наташи, – сообщил, глядя уставшими глазами. – И у меня к тебе большая просьба. Если не грозит это тебе большими потерями, пожалуйста, побудь сегодня дома до полудня. До двенадцати тридцати, не более. Я отвожу сейчас жену домой и еду к Шадову. Очень может быть, что мы захотим поспрашивать тебя насчет деталей, что помнишь, конечно. И моральный ущерб тебе компенсировать надо, хотя бы деньгами. Не обижайся только, ладно?

– Заинтересовали! – улыбнулась ему. – Ладно!

Чем он проще будет думать обо мне, тем лучше.

– Тогда позвоним тебе, хорошо?

Он кивнул дружески и пошел к машине.

* * *

Квартира встретила меня духотой вчерашнего дня, застоявшейся и скучной, как плесень в банке прошлогоднего варенья.

Я распахнула окна в комнатах и на кухне, и остатки ночной прохлады легкими сквознячками загуляли по квартире, приятно лаская кожу.

Душ, завтрак, легкая разминка – и ночных впечатлений как не бывало. Мстительность – не моя черта, и искать покусившегося на меня я не собиралась. Не болела душой и за Наталью. Муж и отец, а, возможно, еще и Андрей – она со всех сторон окружена сильными и серьезными мужчинами, способными решать свои собственные проблемы и проблемы по защите своих женщин.

А компенсация – дело стоящее. Люди солидные. Не парой же сотен собираются они компенсировать мой испуг! А отказаться от денег – это надо либо иметь причину, либо не иметь головы.

Приготовив легкий, но строгий наряд, я сочла себя готовой к любому официозу и взяла с книжной полки замшевый мешочек с гадальными костями. Сейчас момент для них подходящий.

Три двенадцатигранника легли вверх цифрами 17, 10 и 29. Значит так: 10+17+29, так правильно. Формулировку я, пожалуй, помню.

«Однозначно отвергая пришедшееся вам не по душе, но предложенное жизнью со всей определенностью, вы перекладываете это на плечи других людей, возможно, менее вас подготовленных для решения такой задачи. За их тяготы спросится с вас! Будьте готовы!»

Предостережение от неправильных действий. Каждый-де должен нести свой крест и не грузить попутчиков своей тяжестью. Вот теперь я поеду к Шадову не только за обещанными деньгами, но и с желанием помочь чем смогу. А предыдущее мое настроение будем считать приступом эгоизма, к счастью, быстро прошедшим.

Я собрала кости в ладонь. Спасибо! Ссыпала их в мешочек, затянула шнурок, бросила его в сумочку. Пусть при мне будут.

Что значит сделано все ко времени – только управилась, телефонный звонок. Незнакомый голос.

– Татьяна Александровна? – не спросил, а поздоровался со мной моим же именем и, не нуждаясь в ответе, продолжил некто, уверенный во всем: – Вас пригласили сегодня на встречу с Владимиром Степановичем Шадовым. Машина у подъезда.

И отключился. Однако!

Что бы там ни было, а заставлять этих людей ждать не следует. Пока, по крайней мере.

Быстро оделась, прихватила в сумку к замшевому мешочку коробочку сотового телефона и вскоре легкой бабочкой выпорхнула на улицу, к черной «Волге» с тонированными стеклами. Дверь на заднее сиденье распахнулась передо мной сама. Уже занеся ногу, глянула поверх дверцы на свою «девяточку». Она, скромница, потупила свои ясны фароньки...

* * *

Кабинет Владимира Степановича оказался под стать его машине, а он сам в кожаном вращающемся кресле с высокой гнутой спинкой был на своем месте, по-иному не скажешь. Владимир Степанович в своем кабинете должен производить впечатление на подчиненных достаточно сильное, для того чтобы у тех само собой происходило отключение управляющих систем и дальнейшее функционирование происходило бы на автопилоте.

Я стояла в дверях, разглядывая его, а он смотрел на меня тяжело, исподлобья, сжимая руками толстые и мягкие подлокотники.

– Проходите! – дождалась наконец-то.

Прошла и села без позволения, нагло взяв стул от стенки и утвердив его напротив хозяйина, через стол. Вежливо откашлялась в кулачок.

– Борис сказал, что вы сотрудник частного сыскного агентства?

– Он ошибся. Я частный сыщик, работающий на свой страх и риск.

– Иванова, – он отвел наконец взгляд, – Иванова. По-моему, я что-то такое слышал!

У меня язык чесался сообщить ему, что о Шадове я не слышала ничего. Пришлось сдержаться.

– Вы давно знакомы с Наташей?

– Мы учились с ней в одном институте.

Он наклонил голову.

– И не виделись тоже давно?

– После института практически не встречались. Какое это имеет значение?

– Что?

Как быстро краснеют его уши!

– Зачем вы пригласили меня? Чтобы подвергнуть допросу, подозревая в покушении на вашу дочь? Кажется, прошлой ночью роли распределились по-иному!

Вот он уже и дар речи потерял. Не привык Владимир Степанович, чтобы в его присутствии говорили, а не отвечали на вопросы. По логике, за этим должен последовать взрыв административного возмущения. Лишь бы не лопнул. И плевала я на его деньги!

Он оказался умнее, чем я думала, и сдержанней.

– Да, конечно, – капитуляция досталась ему с трудом, с горечью в голосе. – Извините, нервы.

Он вдавил кнопку на телефонной панели и рыкнул в сторону открывшейся двери:

– Кофе!

Кофе принесли быстро. Кофейник-термос на подносе с двумя чашечками.

– Что вы можете посоветовать мне в этой ситуации? – спросил после того, как за секретаршей закрылась дверь, и жестом пригласил к самообслуживанию.

Хороший вопрос. Я приняла его как тест на мою профессиональную пригодность и, налив себе кофе, принялась за неторопливый и обстоятельный ответ.

– Не подключайте к этому делу правоохранительные органы, как и поступали до сих пор.

Он сморгнул. Хороший знак, в точку попала. В болевую точку. Пошуруем в ней.

– Даже если договоритесь с органами следствия, что вполне вероятно при ваших возможностях, то дадите им в руки дополнительный материал для их досье на вас.

Он осторожно, с полной чашкой, откинулся на спинку, слабо улыбнулся и чуть заметно покачал головой.

– Не обращайтесь к отставникам из уголовки, даже полностью зависящим от вас. Люди они опытные, со связями, но корни их в органах. Сами понимаете, в этом случае от утечки информации вы не застрахованы. Мне продолжать?

Он достал откуда-то снизу небольшую фирменную бутылочку коньяка с кривым сосочком на горлышке, плеснул себе в кофе.

– Хотите?

Я отказалась.

– С чего вы взяли, что я опасюсь правоохранительных органов?

«Нет, любишь ты их, как дорогих сердцу родственников!» – съязвила про себя, выдерживая приличную паузу.

– Невозможно взять, чего нет! Вы настолько никого и ничего не опасаетесь, что не приняли всерьез угрозу ваших недоброжелателей лишить Наташу жизни и впервые взволновались по этому поводу только сегодня утром. Но и теперь не попытались связаться с руководством угро. Не опасаетесь вы их, нет, – они вам нежелательны. Но вы отвлекли меня от вами же заданной темы. Первый совет вы от меня получили, но я все же хочу услышать ответ на мой вопрос – продолжать ли мне дальше?

– Да, – он пошевелил тяжелой челюстью. – Да-да, конечно!

– Убийца ждал Наташу на том острове. Он знал о ее приезде заранее. И его план был обречен на успех. Благодаря счастливой случайности все вышло по-другому. Вот вам пища для размышлений о том, кому из вашего окружения можно доверять, а кому – нет. Считайте эту предпосылку моим вторым советом. Продолжать дальше?

– Минуту!

Он налил мне кофе, не слушая возражений, добавил коньяка, открыл и положил рядом портсигар с очень хорошими сигаретами, пододвинул пепельницу.

– Извините меня! – встал из-за стола и направился к двери. – Телефон, что на столе перед вами, зазвонит только для вас. Это произойдет скоро, вы не успеете соскучиться. Здесь вас никто не осмелится потревожить. Можете уйти в любой момент, если захотите, но я прошу вас не делать этого, дождитесь моего звонка.

И он вышел, оставив меня одну. Хотелось мне хохмы ради крикнуть ему вслед насчет компенсации. Сдержалась. Занялась вплотную благами, предназначенными мне, и размышлениями о причинах столь резкого поворота в его настроении. Хотя что тут размышлять!

Телефон мурлыкнул, когда и кофе был не допит, и сигарета не выкурена до конца.

– Это Шадов, – услышала я его голос. – Я жду вас внизу, Татьяна Александровна!

Я вышла из двери с табличкой «Директор», и из двери с надписью «Приемная», и из стеклянных дверей, сбоку от которых висела тяжелая, бронзовая доска с рельефной гравировкой: «ЗАО Гражданстрой», к изящному «Шевроле», поджидавшему меня с открытой дверцей безо всяких надписей.

За рулем Владимир Степанович выглядел вовсе не таким, как за столом. Он выглядел повеселевшим.

Из собственных наблюдений знаю, что многих по жизни сильных людей угнетает не тяжесть положения, в которое они попали, а собственная нерешительность в сложившейся ситуации.

Шадов привез меня в парк с каскадом больших проточных прудов, переливавшихся один в другой и, взяв под руку, повел в тихую дубовую аллею. В машине он не позволил мне и рта раскрыть, перебивал всякую мою попытку возобновить прежний разговор какими-нибудь пустяками, пока до меня не дошло, чего он боится. Здесь же заговорил сам и начал с шуток:

– Вы видите, как заботится наше семейство о вашем здоровье! Второй раз за сутки вывозим вас на свежий воздух.

– Интересно узнать, – пробурчала я в ответ, – какой выволочкой закончится для меня второй вывоз, чтобы подготовиться заранее.

– Хорошей пачкой банкнот за вчерашнее и договоренностью на еще несколько таких пачек за будущее, – ответил он без запинки.

– Вы меня покупаете?

– Нанимаю! – поправил он, и хорошо сделал. – Как частного сыщика.

– Не слишком торопитесь? – Я остановилась и освободилась от его руки. – Я специалист привередливый, у меня есть свои условия, и они могут вам не понравиться.

– Вы о деньгах? – Он презрительно хмыкнул.

– Если бы! – возразила я. – Излагаю: вы не наниматель, заблуждаетесь, а мой клиент, и я вам не подотчетна, а вы обязуетесь оказывать мне содействие. Я берусь за ваши деньги устроить по возможности наилучшим образом ваши же щекотливые дела. Для этого требую от вас полной откровенности, никакой утайки в ответах на мои вопросы. Предупреждаю заранее: действия мои могут носить не всегда законный характер, но они всегда выверены и целесообразны.

– Можете не продолжать! – прервал меня Шадов. – Я полагаюсь на вас, потому что действительно о вас слышал. К тому же вы произвели на меня впечатление. Вы интересуетесь суммой?

– Я поинтересуюсь ею после ознакомления с деталями.

– А вы деловая женщина!

– Я рада, что вы это поняли.

Вот мы и улыбаемся друг другу. Кто бы мог подумать! И выглядим очень естественно для всех. В тенистой дубовой аллее в жаркий день не спеша и приятно бездельничают то ли отец с дочкой, то ли кавалер в годах и деньгах с молодой любовницей.

– Вы очень точно подметили, Татьяна Александровна, о возможной утечке информации из моего окружения к моим недоброжелателям.

Шадов произнес это медленно, тяжело, с перерывами, во время которых сжимал губы в тонкую линию.

– О поездке на природу Наташка трещала и в моем кабинете, и в машине, и по телефонам, и еще в сотне мест, так что прореху здесь определить трудно. Мне, по крайней мере. Но, к сожалению, дело не ограничивается этим. С некоторых пор я явственно ощущаю постоянную утечку информации конфиденциального характера, владея которой можно просто делать деньги. Да и сама история с угрозами в адрес Наташи началась с этого. Признаюсь вам, я не знаю, на кого думать. Некоторые вопросы были известны только самому близкому окружению. Мало того! Благосостояние этих людей напрямую зависит от меня, поэтому предательство с их стороны я просто исключаю. Верите ли, дошел до того, что занялся поисками скрытых микрофонов в кабинете, в машине, в квартире. Поэтому и привез вас сюда – от греха подальше. После случая с вами понял, что терпеть это издевательство дальше возможности нет. Вы беретесь за дело?

– Да, за дело я берусь! – ответила очень определенно. – И внимательно вас слушаю. Продолжайте!

– Тогда с самого начала.

Он закурил и молчал некоторое время, собираясь с мыслями, а я вспомнила результат гадания и подумала о том, что и тяготы по всем этим заморочкам лягут на меня и спросится за них с меня же. Словом, в очередной раз: крутись, Танечка, и не жалуйся на головокружение! Прекрасно!

– «Гражданстрой» – очень солидная фирма, – начал Владимир Степанович, – через нашу бухгалтерию проходят значительные суммы, и сотрудничества с нами добиваются многие строительные организации разного масштаба. Сами мы в процессе строительства не участвуем уже давно и главной задачей перед собой ставим получение заказов на строительство от властей разного уровня и размещение подрядов на него среди строительных фирм и организаций. Подряды бывают лучше, бывают хуже. Бывают подряды золотые. Информация о подрядах не подлежит огласке до поры до времени – это закон, и он всегда строго соблюдался. До последних недель...

Среди строительных организаций существует очень жесткая конкуренция за место под солнцем, и хороший подряд на строительство – основа их процветания. Они кормятся с них и кормят нас – тех, от кого зависят. В период становления этой системы разные структуры, вкладывавшие деньги в строительный бизнес, пытались давить на нас, добиваясь определенных преимуществ, но метод не оправдал себя, и все постепенно пришло к оптимальному варианту.

И вот, представьте себе, сравнительно недавно появляется среди наших испытанных, проверенных делами завсегдатаев некая организация с дурацким названием «Рай» и с ходу претендует на получение нескольких подрядов из категории особо выгодных. Это, извините, наглость! Другие наши строители вместе со своими покровителями попытались было устроить этому «Раю» собачье существование – не вышло, черт! Всем на удивление, орешек оказался не по зубам. Что за боги над этими ангелами – никто выяснять не стал, все смотрели теперь на «Гражданстрой», ждали, что будет. Если «Рай» переупрямит и добьется своего, то другие станут поступать так же. Вы понимаете, где тогда будет наша контора? Мы из диктаторов, благодетелей и судей превратимся в нищих, просящих подаяние. Это развал всей хорошо работающей системы. Это недопустимо!

Так вот, «Рай» взялся за штурм «Гражданстроя» с чрезвычайной энергией. Амбиции его после нескольких мелких неприятностей только возросли, и они взялись за меня лично. Был у меня один заказ. Очень хорош во всех отношениях, но время ему не подошло по ряду причин, и я покуда держал его под сукном. Знали о нем единицы. И что бы вы думали? Представитель «Рая» называет объект, предполагаемый объем работ, сроки, требуемый уровень исполнения и просит его себе! Я и говорить с ним не стал, а выгнал вон! И отсюда начинается какое-то кино дешевое: разбитые стекла в машине, звонки по телефону, угрозы – тоже мне, Сицилия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.